

Жареная форель

Решено было заночевать у реки. План созрел сам собой: дожждаться, когда незадачливый утопленник придет в себя, объясниться с ним, а наутро собрать снасти и двинуться в обратный путь. Всё бы ничего, да только людей прибавилось, и палаток на всех не хватало. Впрочем, если ночевать под сенью деревьев и не подставлять тело свету Черной луны, можно было избежать большинства недугов, порожденных бредом: от головных болей и рвоты до сыпи и падучей. К тому же Фарфадэ умел их лечить — правда, для этого ему приходилось ловко прятать в рукав вырванный из плоти очаг болезни, чтобы потом втихомолку съесть его где-нибудь в укромном месте.

Однако возникла иная трудность.

— Хлоп!

— Эти комары... проклятье, их тут слишком много!

— Ах ты сволочь! Ты же мне по лицу заехал! Сложно было предупредить?!

— А кто вчера ныл, что его вконец искусали? Нет в людях благодарности.

— Но не с такой же силой! У меня щека уже распухла!

— Цыц, — Фарфанозэрс подал голос, и спорщики мгновенно притихли, разойдясь в разные стороны с обиженными минами.

Зеленоволосый демон втайне вздохнул, но внешне сохранил невозмутимость, верша правосудие.

— Разожгите еще один костер. Используйте дым, чтобы отогнать их.

С наступлением сумерек мошкара и гнус пошли в атаку, не давая людям покоя. Места укусов уже через час краснели и вздувались, а особо невезучие и вовсе могли лишиться чувств — случалось такое редко, но кто знает, на кого падет жребий.

— Раньше их столько не было...

— Сезон сменился. Что нам теперь с ним делать? Оставить на улице на съедение гнусу?

— Придется выделить еще одного человека для дозора. Кто пойдет?

— Я, — отозвался Фарфаноэрс.

Его предложение было отвергнуто единогласно. Фарфаноэрс на мгновение замолчал, лишь теперь осознав, что стоящие перед ним люди никогда не сопровождали его в походах. Они просто не знали, что он не нуждается в сне. Неужели они не расспрашивали остальных? Или не понимают, что перед ними демон?..

— Как можно позволить вам бодрствовать всю ночь? — Стопин покачал головой. — Это не по правилам!

«А то, что вы перечите моему решению, по правилам?» — Фарфаноэрс открыл было рот, но не успел вставить ни слова.

Кто-то уже подскочил к нему с предложением:

— Мы сами разберемся, не стоит вам беспокоиться... Господин, вы видели, как я пускал блинчики по воде? Моя рука в этих краях славится, не желаете ли поучиться? Обучу всему, ничего не скрою!

Так его, полушутя, спровадили к самой кромке воды — учиться пускать камни, а заодно и спастись от едкого дыма свежего хвороста.

Борьба с насекомыми и впрямь становилась насущной проблемой. Фарфаноэрс рассеянно подбросил на ладони плоский, острый как бритва камешек. Он вспомнил, что раньше ему попадалось описание одного дерева... Кажется, его называли прекрасным ароматным деревом из рода аквилярия. Проще говоря, из него добывали сырье для благовоний. Застывшая смола превращалась в медовый ладан — ту самую субстанцию, которую можно было жечь перед алтарями для успокоения духа или соскребать ножом, используя в пищу как лекарство.

Оно обладало целебными свойствами... Впрочем, большинство растений здесь были либо ядовитыми, либо лечебными. Медовый ладан отлично отгонял комаров и снимал отеки. Когда же он об этом узнал? Кажется, еще тогда, когда провалился в подземную каверну...

Фарфаноэрс припомнил, что такие деревья не должны быть редкостью. Раз уж Гвидо так увлекся изучением смол, пусть эта задача станет его следующим уроком.

Он запустил первый камень. Тот лишь пару раз ударился о гладь и тут же пошел ко дну, так и не добравшись до противоположного берега. Фарфаноэрс недовольно прищурился, хотя лишь краем уха слушал наставления и еще не успел применить теорию на практике.

— Ничего страшного, попробуйте еще раз.

Его «учитель», склонившись, выбрал на земле подходящий осколок и протянул господину — он вел себя так, будто его единственной обязанностью на сегодня было развлекать лорда, совершенно позабыв о делах.

За его спиной те, кто закончил с палатками, принялись доставать из ведра форель. Рыбу чистили от чешуи, потрошили, промывали, а затем, нафаршировав брюшко лимоном и смазав соусом, выкладывали на железную решетку над огнем.

Интересно, не приелась ли им рыба в последнее время? Фарфаноэрс, следуя совету, резко повернул кисть. Камень со свистом рассек воздух и, точно коснувшись воды, принялся раз за разом перепрыгивать реку, пока наконец не скрылся в траве на том берегу.

Он невольно выдохнул с облегчением. С тех пор как он взял в руки первый камень, прошло всего полчаса...

«Не слишком ли я увлекся?»

Фарфаноэрс сжал в ладони последний колючий голыш и, не дожидаясь похвалы, спрыгнул с валуна, на котором стоял.

На сегодня праздности было достаточно.

Человека, зацепившегося за крючок, звали Ньери-Шапук. Судя по внешности и имени, он бесспорно был родом из Финсе. Только у финсеров фамилия традиционно ставилась перед именем. Гвидо как-то рассказывал, что знать у них берет имена по названиям родовых земель, разделяясь на сословия согласно титулам, а простолюдины в странствиях называют общину или деревню, из которой вышли. Но в целом большинство из них фамилий не имело.

Этот человек, как и многие другие, придя в себя, первым делом поинтересовался, жив он или мертв. Увидев зеленоволосого демона с алыми глазами, он не на шутку перепугался, но, хотел он того или нет, в руки ему сунули жареную рыбу. Теплый прием и дурманящий аромат сделали свое дело: плененный вкусом изысканного блюда, он, сам того не замечая, поплелся вслед за отрядом к замку. Когда же он окончательно опомнился, тропа, по которой они шли, уже скрылась под покровом стремительно растущих трав.

Никто, кроме Фарфаноэrsa, не владел языком финсе. Империя Анаслер была огромна: здесь бытовало несколько десятков диалектов, а официальное наречие было в ходу лишь у знати, ученых, жрецов и некоторых ремесленников да торговцев. Большинство же мирян, никогда не покидавших родных мест, предпочитали говорить на языке отцов. Если встречались выходцы из разных земель, им везло, если диалекты оказывались схожи, в противном случае приходилось общаться на пальцах.

До сих пор всё шло неплохо. Многие понимали официальную речь, хотя не умели на ней ни писать, ни говорить. У Фарфаноэrsa даже мелькала мысль открыть школу грамоты, но на пути всегда вставало одно и то же непреодолимое препятствие: катастрофическая нехватка рук.

Сам Фарфаноэрс не до конца понимал, почему он знает язык финсе и понимает каждого встречного. Вероятно, это было частью Контракта.

Он разъяснил финсеру положение дел. На самом деле у него не было привычки запугивать людей без нужды — разве что те начинали артачиться. Поэтому каждого «найденуша» он просто передавал остальным, чтобы те сами ввели его в курс дела. Давление со стороны Повелителя Демонов, если тот ограничивался лишь коротким знакомством, всегда ощущалось слабее. Позже, когда человек привыкал к местному укладу и негласно признавал его власть, Фарфаноэрс подбирал ему занятие. Кому-то и вовсе не приходилось больше сталкиваться с лордом, а кто-то был вынужден являться с докладом каждые три дня.

Финсер отвечал запинаясь и трепеща, словно боялся, что его голова слетит с плеч вместе с очередным словом. Видя, что по старой схеме с ним не договориться, Фарфаноэрс решил перепоручить его Гвидо или Гитне.

Когда они вернулись в замок, дверь в лабораторию алхимика по-прежнему была заперта. Что ж, он выйдет, когда сочтет нужным. Фарфаноэрс велел Вирадуану отвести человека к Гитне, а сам отправился в кабинет.

Вирадуан, заменявший его, разложил все бумаги в строгом хронологическом порядке. Важные документы на пергаменте и велене были подколоты железными зажимами. В этой внушительной стопке хранились переведенные рукописи, уставы поместья, списки жителей, составленные специально для управляющего и новых надсмотрителей, а также гроссбухи. На бересте были начертаны повседневные мелочи: памятки, черновики указов, спорные фразы, требующие уточнения при переводе, и краткие протоколы собраний, записанные Гвидо или Вирадуаном... Эти записи были свернуты в трубочки и перевязаны тонкой бечевкой.

Каждый раз, листая эти берестяные страницы — Гвидо напыщенно прозвал их «Зелёными свитками», — Фарфаноэрс невольно сравнивал почерки. Письмо Вирадуана было каллиграфически точным и элегантным, а вот рука Гвидо... Писал он красиво, спору нет, но в отличие от Вирадуана никогда не сдерживал размахистых росчерков. Старик словно стремился соединить все буквы в одну бесконечную, неразрывную линию. Выглядело это эстетично, но разобрать написанное было почти невозможно.

Его записи правильнее было бы назвать «изящными закарлючками». Фарфаноэрсу пришлось изрядно помучить старика расспросами, прежде чем он уловил логику его письма.

Бард, который тоже частенько выступал в роли переписчика, обладал на редкость вычурным почерком. Он обожал украшать буквы лишними крючками — за что Фарфаноэрс про себя ворчал, что это уже не письмо, а какой-то графический дизайн. Впрочем, Бард умел писать и строгим книжным шрифтом, который лорд мысленно окрестил «печатным станком».

Собственное письмо Фарфаноэrsa было невзрачным. Возможно, сказывалась старая привычка пользоваться перьевой ручкой... Для него главным в тексте была аккуратность, но Гвидо требовал от него большего.

— Как ни крути, а имя свое нужно писать красиво.

— Разве я не могу просто приложить печать?

— О, господин Фарфаноэрс, — старик горестно вздыхал, — печатью всё не заменишь. Неужели вы собираетесь вовсе не писать указов и писем? Такое небрежное отношение пагубно скажется на вашей репутации...

— Ладно, ладно, я буду тренироваться, — сдавался Фарфаноэрс. При чем тут вообще репутация?

Странно, но если в обычном письме он ничем не выделялся, то его демонический почерк был на редкость хорош... Эти письма создавали зрительную иллюзию: лишь демон мог прочесть эти пляшущие, искаженные, шепчущие знаки. В его глазах они казались округлыми и текучими. От начала и до конца свитки на демоническом языке были пропитаны странным ощущением... балансирующим на грани между подчинением и властью. Его алые глаза, темные, как кровь в кубке тирана, без тени жалости заставляли эти глумливые буквы-шуты выстраиваться в ровные шеренги под его пером...

Да, это было похоже не столько на процесс письма, сколько на акт самоорганизации материи... Впрочем, выводы делать было рано.

Записи на демоническом языке стали самым надежным способом хранения тайн. Закончив с делами, которые подготовил Виradуан, Фарфаноэрс постучал пальцами по столу и достал из ящичка переплетенную тетрадь.

Он принялся записывать то, что было важно для него одного.

Он фиксировал обрывки воспоминаний — те крупницы своего прошлого, что иногда, по чистой случайности, всплывали в его сознании.

<http://bllate.org/book/16116/1588196>